

ДЖЕССИ ГАРСИА

ДЖЕССИ ГАРСИА

ДЕЛОВАЯ
ПОЕЗДКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г20

Серия «Neoclassic: новое расследование»

Jessie Garcia
THE BUSINESS TRIP

Перевод с английского *Н. Холмогоровой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

Гарсиа, Джесси.
Г20 Деловая поездка : [роман] / Джесси Гарсиа ; [перевод с английского Н. Холмогоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Neoclassic: новое расследование).

ISBN 978-5-17-177721-0

На борту самолета, следующего из Мэдисона в Денвер, летят Стефани, успешный директор городского телеканала, и Жасмин, пытающаяся выйти из сложных отношений и начать новую жизнь.

Позже они обе пишут друзьям, что познакомилась в Денвере с обаятельным мужчиной по имени Трент. Однако вскоре их сообщения становятся странными, а затем Стефани и Жасмин и вовсе перестают выходить на связь. Трент отрицает свою причастность к их исчезновению, но можно ли верить ему на слово? Выясняется, что и ему, и пропавшим женщинам было что скрывать...

УДК 821.111 -312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-177721-0

© Jessie Garcia, 2024
© Перевод. Н. Холмогорова, 2025
Школа перевода В. Баканова, 2025
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

*Посвящается моей маме,
подарившей мне любовь
к печатному слову*

Часть первая

Глава 1 *Жасмин*

День полета

Двигаться приходилось тихо и аккуратно, брать лишь то, что легко нащупать в темноте, — чтобы не разбудить Гленна. Вот он всхрапнул и перевернулся на бок — и я застыла с протянутой к сумке рукой, готовая, если придется, все бросить и нырнуть обратно под одеяло. Гленну всегда можно соврать — сказать, что вставала в туалет. И надеяться, что он не заметит на мне джинсы.

Гленн снова всхрапнул, по-дурацки приоткрыв рот. Нет, похоже, спит крепким сном. Отчасти за это стоит благодарить амбиен, его снотворное. Сегодня Гленн принял его не по собственному желанию. Это я растолкла таблетку и всыпала порошок в банку с пивом. Лекарство Гленн держит в шкафчике в ванной. Покупает у одного парня на черном рынке. Сам мне как-то говорил: реально мощная штука, рецепт на такую хрен получишь. С одной таблетки вырубает, как битой по голове.

Но, хоть Гленн и спит, ящики открывать нельзя — слишком рискованно. Старый деревянный комод скрипит при любом движении. Нельзя до-

пустить, чтобы скрипнула дверца или звякнули вешалки — придется выбирать из того, что валяется на полу или лежит в корзине для стирки. Треники, легинсы, несколько трусов и лифчиков из корзины, пара моих блузок и рубашка Гленна — теплая фланелевая красная рубашка, которая всегда мне нравилась. В конце концов, на улице январь, я в Висконсине, и до Денвера путь неблизкий. А Гленн мне задолжал гораздо больше, чем рубашку.

Бросила наугад в чемодан несколько носков, не забываясь, подходят ли они друг к другу. В новом городе и носки куплю новые. То же с зубной щеткой и прочими мелочами. Однако духи-пачули я хотела взять с собой: осторожно нащупала наверху комода флакончик-пробник из универмага, аккуратно капнула на запястья жидкостью, чей нежный аромат напоминал о бабушке, и крепко завернула крышку, чтобы в сумке духи не протекли.

Медленно и осторожно, не сводя глаз с Гленна, сунула ноги в теннисные туфли. Ему что-то снилось, глаза быстро двигались под закрытыми веками — и, казалось, с той же скоростью несется вскачь мое сердце. Обычно Гленн не просыпается раньше одиннадцати — а это только через шесть часов. Я тщательно рассчитала время, чтобы бежать через два часа после того, как он уснет.

Гленн ни за что не догадается искать меня в аэропорту. Если что-то заподозрит, возможно, отправится на автовокзал в центре Мэдисона, может быть, на железнодорожный вокзал в соседнем Коламбусе. Но скорее всего, решит, что я у какой-нибудь подружки, — и, кипя от ярости, бросится меня разыскивать, как уже случилось в прошлом. Что

я решила улететь на самолете, ему точно не придет в голову! Откуда у меня деньги на билет?

А деньги есть. Больше года я копила чаевые в баре. Порой — когда видела, что Гленн не заметит, — вытаскивала десятку или двадцатку у него из кошелька. Дни его получек или выигрышей в казино становились для меня днями удачной охоты.

Я встала, и навстречу мне поднялось смутное отражение в зеркале над комодом, наполовину освещенном луной. Длинные светлые волосы, круглые очки без диоптрий из «Гудвилла»*, всегда напоминавшие мне Джона Леннона. Очки фальшивые, с пластмассовыми линзами; но они мне идут, так что иногда их надеваю. И горжусь тем, что в сорок четыре года обхожусь без настоящих очков.

Закатывая рукава рубашки, я поморщилась и бросила взгляд на свежие синяки. Отпечатки пальцев на предплечье — их оставил Гленн пару дней назад, во время нашей последней ссоры. Тогда-то я и решила: с меня хватит. Он орал, что я вешаюсь на мужиков в баре, обзывал «гребаной шлюхой», потом повалил на постель и начал трахать. Я отвернулась и зажмурилась. Закончив свое дело, он схватил меня за руку — эту самую — и стиснул так, что она онемела....

— Что не так? Не нравится? Думаешь о ком-то из тех парней? Говори, сука! Не смей мне врать!

Стискивал мне руку, пока я не взмолилась: «Пожалуйста, отпусти!» — и только тогда оттолкнул меня и направился в душ. После секса Гленн всегда

---

* Сеть магазинов секунд-хенд в США. — *Здесь и далее: примеч. пер.*

сразу идет мыться. Как будто я грязная. Он моется — а я лежу, свернувшись клубочком, тихо плачу, грызу ногти и обдумываю побег.

Уже дважды я пыталась от него уйти. Заканчивалось это одинаково: он меня разыскивал, тащил за волосы к себе в пикап и привозил обратно в трейлер. Собственную машину он мне не разрешает. Сам отвозит меня на работу, забирает после смены — и частенько проводит в баре большую часть ночи: вроде бы играет в бильярд или в дартс, но я-то вижу, что глаз с меня не сводит. Особенно когда я обслуживаю других мужчин.

Как у нас до такого дошло? Познакомилась я с Гленном в этом самом баре. До того сменила много мест, одно другого паршивее, и наконец — спасибо школьной подруге Анне, которая уже здесь работала, — нашла приют в большом и шумном питейном заведении в ковбойском стиле, из тех, где до поздней ночи льется рекой пиво и не смолкает смех. Всего за три месяца до того я рассталась с мужчиной. Долгие, нелегкие, под конец откровенно мучительные отношения закончились разрывом; теперь я хотела побыть одна, залечить раны, прочно встать на ноги — и только потом, может быть, поискать себе кого-то попримечнее. Но побыть в одиночестве мне почти не пришлось.

Гленн бросился мне в глаза в первый же вечер. Он здоровенный, широкоплечий, длинные волосы завязывает в хвост, всюду, куда входит, сразу привлекает к себе внимание. Сама не понимаю, как это вышло, — но и оглянуться не успела, как уже знала, что он пьет «Миллер Хай-Лайф», и всякий раз, как

приносила ему пиво, он отчаянно со мной заигрывал. А я отвечала.

Поначалу Гленн казался таким милым! Предложил проводить меня до машины после смены, «на всякий случай». Вежливо попросил телефон. На первом свидании настоял, чтобы я не вылезала из пикапа, пока он сам не выйдет и не откроет мне дверь. Я даже рассмеялась такой старомодной любезности.

Вначале я не думала, что у нас с ним что-то выйдет. Гленну нет еще и сорока — рядом с ним я чувствовала себя гораздо старше. Но оказалось, что мы оба любим живую музыку; мы начали ходить на концерты и шоу, танцевали вместе, во время танца в первый раз поцеловались — а закончился тот вечер ночью у него в трейлере.

Несколько месяцев все было просто сказочно. Серьезно, я уже решила, что встретила прекрасного принца! Мы веселились допоздна, спали вместе, занимались любовью до завтрака, а иногда и после, а по выходным гоняли по проселкам на его «Харлее». Очень скоро я переехала к нему; изначальный план пожить одной и прочно встать на ноги померк в сиянии новой любви.

Первый тревожный звоночек раздался, когда у меня сломалась машина. Гленн настоял на том, чтобы продать эту развалюху на металлолом: он, мол, и сам меня отвезет всюду, куда понадобится. Мысль остаться без машины совсем меня не радовала. Мы со «старушкой Мейв» — так я ее прозвала — не разлучались уже почти десять лет, и меня тревожило, что без нее я окажусь в зависимости от Гленна. Но он уверял, что это самое разумное ре-

шение: ведь рабочий день у него ненормированный (Гленн работает на стройке), может приезжать и уезжать когда пожелает. На складе металлолома мы выручили за мою милую Мейв шестьсот долларов. Гленн объявил, что они пойдут на «домашние расходы», — и сунул к себе в карман.

Потом начал ревновать. Стоило мне обменяться парой слов с продавцом в магазине, Гленн принимался допытываться: «Он тебе понравился? Признавайся, хочешь его?» Начал указывать, что мне надевать на работу: «Что это за топик, у тебя из него сиськи вываливаются» или «Этот цвет тебе не идет — выглядишь совсем старухой».

Нервничал, когда я куда-нибудь уходила одна, даже просто прогуляться в выходной. «Зачем тебе оставаться без меня? — спрашивал он. — Мы же любим друг друга!» А когда мы куда-то шли вместе, непременно крепко меня обнимал. Поначалу я тоже видела в этом знак любви, но постепенно становилось ясно: это не любовь, а собственничество.

Дальше начался грубый секс. Как-то раз Гленн захотел привязать меня к кровати. Я ответила: ну уж нет! Отказа он не принял, заявил, что я должна его ублажать, что попробовать мы будем все, что он пожелает, — а дальше просто повалил меня на кровать, силой привязал за руки к кроватным столбикам и сделал все, что считал нужным. После этого он имел меня когда хотел и как хотел — и плевать ему было на то, что после смены я еле ползаю и засыпаю на ходу.

Но хуже всего было то, что он сотворил однажды посреди ночи. Я спала — и вдруг ощутила, что

что-то давит мне на голову и я не могу дышать. С ужасающей ясностью поняла, что на лице у меня подушка. Услышала над собой смех Гленна. Я заби-лась, тщетно пытаюсь закричать, — а в следующую секунду он отнял подушку от лица и, содрогаясь от хохота, откатился на другую сторону кровати.

Я хватала воздухом ртом, кашляла, из глаз брызнули слезы. Наконец мне удалось набрать столько воздуха, чтобы завопить:

— Какого хрена?!

— Боже ты мой, Жасмин! Ты бы себя видела, когда я убрал подушку! Ну и физиономия! Мать честная, какие у тебя были глаза!

Он оглушительно ржал, держась за бока, от смеха не мог сидеть и повалился на спину. Я бросилась на него, начала колотить кулаками по груди, надсадно кашляя и крича:

— Гленн, твою мать, это не смешно!

— Да ладно тебе, крошка, я же просто пошутил! — И он привлек меня к себе, начал целовать голову и лицо.

Тогда-то я и решила каждую ночь откладывать чаевые и прятать в коробке для тампонов, что лежат у меня в сумочке с бахромой. Большую часть чаевых Гленн у меня отбирал на загадочные «расходы по хозяйству», однако мне удалось немного откладывать так, чтобы он не замечал. Наличные я потихоньку перекладывала в фотоальбом, что хранился в картонной коробке в чулане. Туда Гленн никогда не заглядывал. Ни мои детские фото, ни сувениры его не интересовали. Когда он поймет, что я не вернусь, думала я, скорее всего, выбросит всю коробку или сожжет.

Стопка наличных все росла. Чтобы освободить место в альбоме, я достала фотографии из рамок и вытащила пластмассовые держатели круглых металлических фотоуголков. Теперь между страницами фотоальбома можно было спрятать кругленькую сумму. Держатели сожгла, пока Гленн был на работе. От запаха горелой пластмассы щипало в носу и слезились глаза — но для меня это был запах свободы.

Так продолжалось больше года: рядом с Гленном я делала вид, что все нормально, а сама потихоньку готовила побег. С ним я превратилась в робота, в пустую оболочку прежней, живой и веселой Жасмин.

Жасмин Вероника — так меня зовут. Не знаю уж, о чем думала моя мать. Я вообще никогда ее не понимала.

У мамы трое детей от трех разных мужчин, и во мне она почему-то едва ли не с рождения видела черную овцу. Мне было лет восемь или девять, когда я подслушала ее разговор с подругой: мама говорила, что ей ни за что не следовало рожать в третий раз, что мой отец — худший из всех, а я слишком на него похожа. Где он и что с ним, я не знала. Ходили слухи, что в тюрьме. Впрочем, никто из отцов в нашей жизни не появлялся. Заботы о детях они свалили на маму, и она не стеснялась громко жаловаться по этому поводу — особенно из-за того, что на нее свалили меня.

Я была пятью годами младше сестры и семью годами младше брата. Росла гадким утенком. Тощая, неуклюжая, несколько лет носила скобки на зубах — а у брата и сестры зубы были почти иде-

альные. Мама вечно стенала из-за того, сколько денег уходит на эти скобки. Старшим школа давалась легко, а у меня не ладилось с математикой и химией. Перебивалась с двойки на тройку, один раз едва не осталась на второй год. Мама не преминула поведать подруге — на этот раз прямо при мне, — как ей за меня стыдно.

Все, что я делала, все, чего хотела, страшно ее утруждало. Даже самые базовые потребности: поесть-попить. «*Опять* хочешь есть?!» — спрашивала она, тяжело вздыхая и мученически заводя глаза, хотя было время обеда или ужина. Называла меня «хрюшкой» и, видя, что я шарю в холодильнике в поисках чего-нибудь съестного, громко объявляла: «О, наша хрюшка опять у кормушки!» От брата и сестры никакой помощи не было. Их я только раздражала: пыталась с ними поиграть или поговорить по душам — а в ответ слышала одно: «Отстань!»

Да, в старших классах у меня несколько раз были неприятности с полицией. Что ж, со многими подростками такое случается. В восемнадцать забеременела и сделала аборт; платить пришлось маме. А что, лучше было привести в этот безумный мир никому не нужного ребенка? В отличие от брата и сестры, я так и не окончила колледж. Поступила в школу визажистов — мне всегда нравилось краситься на разные лады; но после аборта мама сказала, что больше за меня платить не будет, и учебу пришлось бросить.

На самом деле она просто никогда меня не любила. Какая ирония судьбы: мама работает сиделкой в доме престарелых, заботливо ухаживает за